

Е. А. Селиванова⁴**ДИАЛОГ ЯЗЫКОВ, КУЛЬТУР И ОНТОЛОГИЙ В ТРАНСЛЯТОРНОЙ МОДЕЛИ**

Синтез в современной лингвистике функционально-коммуникативной и когнитивной научных парадигм обусловил новый подход к традиционным отраслям языкознания, одной из которых является переводоведение (транслатология). Принципы экспансионизма, антропо- и этноцентризма, психоментализма,

креативности, деятельности и телеологичности, присущие современной лингвистической методологии [8; 17], обеспечивают рассмотрение перевода как целенаправленной лингвопсихоментальной преобразующей деятельности личности, соотносящей собственный интерпретативный процесс текста-оригинала с программированием интерпретации адресатом текста-перевода. Такая деятельность переводчика как рекреативной системы погружена во множественные диалогические отношения, порождаемые соотносительностью всех компонентов интерпретативно-порождающего дискурса, каковым является перевод, с интериоризованным бытием и семиотическим универсумом.

Сущность интерпретативно-порождающего дискурса кроется в слиянии в одном преобразующем процессе двух фаз: интерпретации переводчиком оригинала и лингвокреативной процедуры порождения на базе этой интерпретации текста-перевода. Фаза интерпретации, в терминах лингвистической герменевтики, предполагает «понимание распремечивающее, позволяющее восстановить системомыследеятельностную ситуацию и мир смыслов продуцентов текста, и перевод понятого содержания и концепта в словесно-знаковую

⁴ Профессор кафедры теории и практики перевода Черкасского национального университета им. Б. Хмельницкого (Украина), доктор филологических наук, заслуженный работник образования Украины. Автор многочисленных научных публикаций, в т. ч. монографий «Основы лингвистической теории текста и коммуникации», «Когнитивная ономазиология», «Складне слово: мовні моделі світу», «Нариси з української фразеології», «Мир сознания в языке», учебников «Актуальні напрями сучасної лінгвістики», «Основы лингвистической теории текста и коммуникации», «Сучасна лінгвістика: напрями та проблеми», «Основы теории мовної комунікації», «Современный русский язык. Морфология», энциклопедий современной лингвистики.

форму интерпретатором как высказанную рефлексию» [4, с. 7–10]. Переводчик не может быть простым транслятором, не имеющим своего «я». Он — главный антропоцентр интерпретативно-порождающего дискурса, личность творческая, мыслящая. Выполняя перевод, он сознательно или неосознанно включает в него собственное распредмечивающее понимание оригинала и устанавливает баланс в диалоге двух языков, культур, онтологий. Он становится не только интерпретатором, но и аналитическим критиком текста.

Фаза порождения вторичного текста представляет соположение внутренне высказанной рефлексии переводчика с кодом иного языка с учетом универсума иной культуры, интериоризованного бытия иного этноса. Такое множественное соположение в «межпороговом» пространстве [26] интерпретации/порождения обуславливает коррекцию программы адресованности перевода. «В своей деятельности переводчик может ориентироваться на конкретного человека, на определенную группу или на усредненного (типичного) представителя какой-нибудь группы, поэтому один и тот же текст может переводиться по-разному» [15, с. 116]. Переводчик дважды корректирует исходный смысл в первой и во второй фазах, но и реальный адресат перевода осуществляет третью коррекцию как собственную рефлексию текста в структуре своего сознания.

Такая тройственная коррекция с учетом возможностей «свободно-вариативной интерпретации текста» (М. М. Бахтин), безусловно, удлиняет расстояние между смыслом и целями, заложенными автором в оригинале, и рецептивным смыслом и целями перевода. Сокращение протяженности этого расстояния — первостепенная задача переводчика, но, как видим, и не только его, ибо баланс интерпретаций зависит и от эффективности авторской программы адресованности, компетентности реального адресата и соотношения пространственно-временных континуумов автора оригинала, переводчика и адресата. Поэтому понятия эквивалентности, адекватности, буквальности изначально не отвечают реальным возможностям интерпретативно-порождающего дискурса перевода. Можно говорить лишь об оптимальной сбалансированности содержания, формы, прагматической установки.

Исходя из общего подхода к созданию такого баланса, в существующих концепциях перевода можно условно выделить три направления.

Первое — универсалистское, в основу которого положена рационалистическая методология, — опиралось на положение о коде-инварианте, создающемся в межпороговом пространстве оригинала и перевода на этапе трансфера и позволяющем осуществить преобразование текста на одном языке в текст на другом. Это направление сложилось в основном в прикладных переводоведческих исследованиях, в частности в машинном переводе. В советском языкознании такой подход базировался на разработках А. Н. Леонтьевым положения об универсальном предметно-изобразительном коде, а в западной прикладной лингвистике — на трансформационном анализе и теории универсальных глубинных структур генеративной грамматики. В книге

«Введение в прикладную лингвистику» А. Н. Баранов предлагает оригинальную и многофакторную схему основных языковых и когнитивных операций, сопровождающих процесс перевода. Схема предполагает две фазы перевода: «сперва на гипотетический концептуальный язык-посредник (концептуальное представление текста, лишенное особенностей L_1 и L_2), а потом, уже с этого языка-посредника, на язык-цель» [1, с. 138–139]. Такими языками-посредниками в различных школах машинного перевода служили языки представления синтаксических и семантико-синтаксических структур, когнитивные модели (фреймы, сценарии), семантические языки тезаурусного типа [10, с. 216–261; 3, с. 360–388]. Этот подход оказался плодотворным для перевода текстов особых типов (научно-технических, научных, деловой сферы) и, бесспорно, не исключает трудностей, образно названных Н. Н. Леонтьевой «лингвистическими перекрестками», а также вмешательства человеческого фактора на этапах редактирования.

Второе направление — этнолингвокультурологическое, опирающееся на методологию функционализма, — рассматривает перевод в ракурсе триады «этнос–язык–культура» [24, с. 5–19] как преобразование текста-оригинала в соответствии со спецификой инолингвокультурной среды. Такой интегративный подход формировался постепенно на основе перехода от сильных вариантов гипотезы Э. Сепира–Б. Уорфа к более слабым, от критики гипотезы к компромиссному рассмотрению универсального и идиоэтнического в соотносимых языках.

Становление и развитие этнопсихоллингвистики, лингвокультурологии, теории и практики межкультурной коммуникации обусловили выработку оптимальной стратегии соположения текстов оригинала и перевода — учета лакунизированного характера одной лингвокультурной общности по отношению к другой (Ю. А. Сорокин, И. Ю. Марковина). Центростремительные тенденции, присущие теории перевода, первоначально сосредоточивающей внимание на лингвистическом факторе, на формально-структурной и нормативно-содержательной эквивалентности оригинала и перевода [16], на создании переводчиком смыслового аналога оригинала, «сбалансированного соотношения полноты и точности смыслов» [9, с. 3], уступили место центробежным, учитывающим несовпадение не только языков, но и онтологий, культур этносов, исторической и пространственной детерминантам порождения оригинала и восприятия перевода [5; 13; 20; 25]. Ю. Найда назвал такую, считающуюся весьма перспективной, ориентацию современного переводоведения коммуникативной [25]. К. Клакхон рассматривал психологическую разновидность перевода, где слова производят тот же эффект на носителей языка переводчика, что и на людей, говорящих на языке оригинала, как близкую к невозможному [6, с. 187].

Базовым понятием данного подхода служит эквивалентность, «мотивирующая переводческие трансформации необходимостью достижения равноценности их (оригинала и перевода. — Е. С.) регулятивного воздействия на своих адресатов» [20, с. 31]. Адресат перевода должен максимально приблизить свое

восприятие к восприятию адресата оригинала. При этом задачу переводчика усматривают в переключении не только кодов языков, но и культур, этнических онтологий. При таком подходе снятие барьеров двух этнических онтологий и культур, коммуникативных компетенций, требующее компенсации лагун различного порядка, не говоря уже о временных барьерах, влечет за собой значительную трансформацию текста-перевода по сравнению с оригиналом, расширяет границы мегатекста (комментариев, примечаний переводчика). Учет тетратомии «этнос–язык–культура–онтология» при переключении-порождении создает для переводчика сверхсложную задачу, решение которой крайне важно для конкретного рода дискурсов (международных переговоров) и текстовых ситуаций (модально-аксиологических, эмотивных, культурно-специфических).

Третье направление — «отчуждающее», близкое по установкам неопозитивистской методологии и сформировавшееся на основе немецкой переводческой традиции [15, с. 119], — предполагает осознанное введение читателя переводчиком в чужой мир языка, культуры, мировидения. И если второе направление требует рекреации оригинала и приспособления его к программе адресованности для читателя перевода, то в третьем направлении постулируется отчуждение адресата от своей культуры и привычных стереотипов не как переключение, а как погружение, которое можно соположить с некоторыми чертами необуквализма [7, с. 245–254] в плане абсолютизации (как в позитивном, так и в негативном плане) достижений и недостатков оригинала. Отчуждающий переводчик может манипулировать текстом и, исходя из множественности и вариативности интерпретаций текста вообще, предоставлять читателю право перевода на основе собственного культурно-семиотического опыта интертекстуализировать перевод и избрать его интерпретационный ключ. При этом читатель помнит о том, что перед ним перевод текста чужой ему культуры, «чужой» в языке оригинала.

Анализ данных трех направлений переводоведения дает нам возможность квалифицировать перевод как многофакторный процесс, в котором главным является смыкающе-преобразующе-погружающий человеческий фактор, успешность деятельности которого обусловлена его билинговокультурной компетентностью, гармонизацией с текстом оригинала и идеальным адресатом перевода.

В конечном счете эти компетентность и гармонизация обеспечиваются готовностью переводчика к многостороннему диалогу, ибо, по словам А. А. Потебни, «передать мысль можно только тому, кто готов ее воспринять, так как язык только возбуждает умственную деятельность человека, который, понимая, что ему говорят, думает своей собственной мыслью, формирует мысли из своего собственного материала» [14, с. 95]. Квалифицированный переводчик должен быть личностью всесторонне «диалогической», ибо векторы диалога ориентированы на различные составляющие интерпретативно-порождающего дискурса.

Предлагаемая нами модель перевода [18, с. 144–156] базируется на концепции диалогичности гуманитар-

ного познания М. М. Бахтина, концепциях Московско-тартуской семиотической школы, достижениях прагматической лингвистики, теории текста и коммуникации.

Данная модель представляет собой синергетическую нелинейную суперсистему, включающую ряд модулей как самостоятельных функциональных узлов. Антропными модулями дискурса являются автор (адресант), адресат (читатель) и переводчик как промежуточная смыкающе-преобразующая подсистема. Данные модули манифестированы сферами индивидуальных сознаний, включающих ментальные лексиконы, сопряженные с невербальным когнитивным пространством, а также иные, отличные от мышления смыслопорождающие психические функции (ощущения, чувствования, интуицию и трансценденцию), коррелирующие со сферами бессознательного. Эти составляющие антропных модулей на основе многоплановых диалогических отношений обеспечивают: а) порождение модуля текста-оригинала со встроенной в него программой интерактивности и интерпретации; б) интерпретации этого модуля переводчиком на основе собственной сферы сознания и интерпретанты; в) порождения/преобразования путем смены регистров ментальных лексиконов модуля текста-перевода; г) восприятие его исходя из интерпретанты сознания адресатом перевода.

Поскольку «интерпретативный режим вербальных значений соотносится с социо- и этнокультурной компетенцией носителей концептуальных систем», «переводчик работает не только с вербальными формами, но и со стоящими за ними концептами» [22, с. 66–67], а значит, его задачей является концептуальное соотношение пространства и стратегий исходного текста с интерпретативными фильмами адресата.

Диалогическими коррелятами перечисленных модулей, в том числе текстовых, служат динамизированные во времени и пространстве модули интериоризованного бытия как онтологии этносов, к которым принадлежат автор, переводчик и адресат, и модули семиотических универсумов как кодов культуры данных этносов. Погруженность антропных и текстовых модулей в бытие и культуру зависит от установки перевода: универсалистской, этнокультурной и отчуждающей. Универсалистская позиция переводчика нивелирует эти различия для адресатов перевода, хотя концептуальное пространство переводного текста при достаточно высокой энциклопедической и межкультурной компетенции читателя может частично снимать эту нивелировку. Этнокультурная установка определяет адаптацию адресата к чужой культуре как переключение этнокультурной доминанты в иную, близкую этносознанию читателя, исходящее отождествления прагматических воздействий. Отчуждающая установка переводчика погружает читателя в структуру этносознания автора оригинала, в его творческую манеру, специфику чужого языка и стиля, давая адресату свободу адаптации в чуждой культуре.

Динамический модуль интериоризованного бытия обеспечивает пространственно-временную дискретность режимов порождения оригинала, повествования, перевода и интерпретации перевода адресатом. Этнокультурная онтология порождения и повествования

может также быть различной, что создает для переводчика дополнительные трудности, усложняя диалогические отношения с оригинальным произведением.

Модуль семиотического универсума, в который погружены антропные и текстовые модули, обладает чертами глобализации и этнизации, сохраняя целостность и динамизируясь на основе онтологического дуализма инвариантов и вариантов дискурсов, текстов и неязыковых семиотических сфер, а также принципа асимметрии семиотических систем и среды семиозисов. Ю. М. Лотман одним из факторов долгой жизни, сохранения текста в культуре, семиосфере считал обеспечивающееся временем переформулирование основ структуры текста: «Он вступает во взаимодействие с неоднородным ему сознанием и во время генерирования новых смыслов перестраивает свою структуру, но при этом это переформулирование не должно переходить границ свободы смыслов, которых нет в тексте» [11, с. 434]. В этом положении заключена скрытая мысль о роли перевода в сохранении и динамизации семиотического универсума. Этнокультурная специфика семиотических продуктов, привносимая в универсум путем перевода, способствует глобализации и развитию различных семиосфер, а глобализация, в свою очередь, динамизирует этнокультурные семиотические процессы.

Тем самым диалогические отношения переводчика с семиотическим универсумом направлены на вовлечение в круг реципиентной культуры инокультурного семиотического продукта. Рекурсивно-прокурсивная диалогичность текста с семиотическим универсумом для переводчика, имеющего дело с отдаленным от адресата во времени текстом, может означать необходимость учета связей произведения как «с теми, на которые оно отвечает, так и с теми, которые на него отвечают» [2, с. 178]. В данном случае важную роль может сыграть мегатекст перевода. В ракурсе предлагаемой модели представляется перспективной концепция тотального перевода П. Торопа, согласно которой процессуальная сущность перевода рассматривается в совокупности четырех факторов: текстового, метатекстового, интертекстового и экстратекстового [21]. Последние два фактора детерминируют перевод социокультурной бытийностью этносов, ибо культура выходит за пределы совокупности или даже системы текстов и растворяется в социуме [12, с. 10].

Рассмотрение перевода как интерпретативно-порождающей лингвопсихоментальной целенаправленной деятельности в ракурсе многомерной диалогичности позволяет выявить ряд факторов, способствующих оптимальной сбалансированности целей,

установок, концептов, смыслов текстов оригинала и перевода.

Литература

1. Баранов А. Н. Введение в прикладную лингвистику : учеб. пособие / А. Н. Баранов. — М., 2001.
2. Бахтин М. М. Собрание сочинений : в 7 т. / М. М. Бахтин. — М., 1996. — Т. 5.
3. Беляева Л. Н., Откупщикова М. И. Автоматический (машинный) перевод / Л. Н. Беляева, М. И. Откупщикова // Прикладное языкознание. — СПб., 1996.
4. Богин Г. И. Текстовые ключи к инокультурным смыслам / Г. И. Богин // Вісник Київського державного лінгвістичного університету. Сер. Філологія. — Киев, 1999. — Т. 2. — № 2.
5. Виноградов В. А. Введение в переводоведение. Общие и лексические вопросы / В. А. Виноградов. — М., 2001.
6. Клакхон К. К. М. Зеркало для человека. Введение в антропологию / К. К. М. Клакхон. — СПб., 1998.
7. Коломісць Л. В. Віршовий переклад як метапоетичне письмо: проблема творчого методу перекладача / Л. В. Коломісць // Мовні і концептуальні картини світу. — Киев, 2002. — № 7.
8. Кубрякова Е. С. Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века / Е. С. Кубрякова // Язык и наука конца XX века. — М., 1995.
9. Латышев Л. К. Курс перевода (эквивалентность перевода и способы ее достижения) / Л. К. Латышев. — М., 1981.
10. Леонтьева Н. Н., Шаляпина З. М. Современное состояние машинного перевода / Н. Н. Леонтьева, З. М. Шаляпина // Искусственный интеллект : справ. — М., 1990. — Кн. 1.
11. Лотман Ю. М. Текст у тексті / Ю. М. Лотман // Антологія світової літературно-критичної думки XX ст. — Львів, 1996. — С. 430–441.
12. Мурзин Л. Н., Штерн А. С. Текст и его восприятие / Л. Н. Мурзин, А. С. Штерн. — Свердловск, 1991.
13. Нелюбин Л. Л., Хухуни Г. Т. История и теория зарубежного перевода / Л. Л. Нелюбин, Г. Т. Хухуни. — М., 1999.
14. Потебня А. А. Мысль и язык / А. А. Потебня. — Киев, 1993.
15. Раренко М. Б. Развитие перевода в XX веке в России и США / М. Б. Раренко // Лингвистические исследования в конце XX в. : сб. обзоров. — М., 2000.
16. Ревзин И. И., Розенцвейг В. Ю. Основы общего и машинного перевода / И. И. Ревзин, В. Ю. Розенцвейг. — М., 1964.
17. Селиванова Е. А. Когнитивная ономазиология / Е. А. Селиванова. — Киев, 2000.
18. Селиванова Е. А. Основы лингвистической теории текста и коммуникации / Е. А. Селиванова. — Киев, 2004.
19. Селиванова О. О. Лінгвістична енциклопедія / О. О. Селиванова. — Полтава, 2010.
20. Текст и перевод / под ред. А. Д. Швейцера. — М., 1988.
21. Тороп П. Тотальный перевод / Тороп П. — Тарту, 1995.
22. Фесенко Т. А. Перевод в зеркале когнитивной науки / Т. А. Фесенко // С любовью к языку. — М. ; Воронеж, 2002.
23. Швейцер А. Д. Перевод и лингвистика / А. Д. Швейцер. — М., 1973.
24. Этнопсихолінгвістика / под ред. Ю. А. Сорокина. — М., 1988.
25. Nida E., Taber Ch. R. Theory and Practice of Translation / E. Nida, Ch. R. Taber. — Leiden, 1964.
- Robinson D. What is Translation? Centrifugal Theories, Critical Interventions / D. Robinson. — L., 1997.